

азной историографии в конце 90-х годов XIX в. на основе субъективистских и релятивистских учений⁶. Введение понятия «критическое направление» в применении к историографии балканских стран 60—80-х годов XIX в. или к русской историографии XVIII в. не вполне правомерно.

К сожалению, в очень полезной в целом монографии Г. Л. Курбатова имеется значительное число неточностей и около 100 опечаток, преимущественно в наборе иностранного текста. Это затрудняет использование книги как справочного пособия. Отметим лишь те погрешности, которые имеют важное значение. Мы указываем страницу, неверное написание и исправление. С. 16: Фильельфо, правильное — Филельфо (Fillelfo); с. 22, прим. 22: Byzantinische Beiträge вместо: Byzantinistische. . . ; с. 61: год рождения Дж. Финлея не 1789, а 1799; с. 97: неверны инициалы автора и выходные данные книги: Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen âge, vol. 1—2. Leipzig, 1885—1886. На с. 106 автор писал, что «большая работа по изучению среднегреческого и новогреческого языка была проделана Г. Хатзидакисом, Г. Психарисом и др.», в результате чего был издан словарь Софоклиса «существенно расширивший возможности исследования византийских источников». Указывается издание словаря 1887 г. На деле же связь обратная: словарь Софоклиса вышел первым изданием в 1870 г., а упомянутая «История греческого языка» Хадзидакиса появилась в 1915 г. С. 118: год рождения П. А. Яковенко не 1879, а 1875. С. 142: даты жизни В. Н. Бенешевича не 1884—1941, а 1874—1943. С. 144: неверно указаны выходные данные книги Е. Ч. Скржинской — не Genève, а Genova. Следовало также указать, что книга вышла в «Atti della Società Ligure di Storia Patria», vol. 56. С. 146, прим. 35: значится: ВВ, 30, 1959, надо: ВВ, 30, 1969. С. 152: не Ишо Стилит, а Иешу Стилит. С. 156: Не Стив Рэнсимен, а Стивен Рэнсимен. С. 157: не Gollomp, а Collomp. С. 160: пропущены даты жизни А. Гейзенберга (1869—1930). С. 177: Дата гибели Н. Йорги не 1942, а 1940. С. 193: не ВВ, 27, 1961, а ВВ, 17, 1960. С. 198, прим. 21: выходные данные сборника «Античная древность и средние века», вып. 1—10 — не 1960—1971, а 1960—1973; Византийские очерки, вып. 1 — не 1969, а 1961. С. 232: неверно указаны выходные данные ряда книг: Janin R. Les églises. . . Paris, ne 1970, а 1953; Grumel V. Les registres — ne vol. I—IV, а vol. I, fasc. 1—4, ne 1947—1971, а 1932—1971 (IV выпуск Регест издан В. Лораном). С. 234: Badinger F. Mehmed. . . München, ne 1955, а 1953. С. 241: Bertelé T. Il Libro dei conti di Giacomo Badoer (Constantinopoli, 1436—1440) — Buz., 24, 1951, надо: Il Libro dei conti di Giacomo Badoer (Constantinopoli, 1436—1440). Testo a cura di U. Dorini e T. Bertelé. Roma, 1956. С. 252: IV. 1934. . . В. D. Fivov, надо: В. Filov.

К числу недочетов можно отнести отсутствие в книге общего итогового заключения. Останется также пожалеть, что тесные рамки учебного пособия не позволили автору остановиться на возникновении и развитии византистики на Кипре, в Канаде, Испании, Иране, Японии и некоторых других странах.

Несмотря на отмеченные недостатки и пробелы, книга Г. Л. Курбатова создала фундамент для дальнейших исследований в области историографии истории Византии, она сыграет свою положительную роль в деле подготовки византистов в нашей стране. Книга впервые широко знакомит научную общественность со всей историей изучения экономики, политики и культуры одного из крупнейших государств средневековья. Было бы весьма желательным, чтобы подобного рода пособия были подготовлены также по источниковедению истории Византии, исторической географии, вспомогательным историческим дисциплинам. Отсутствие таких трудов на русском языке делает эту задачу весьма важной, притом не только для византиноведения, но и для медиевистики в целом, для славяноведения, кавказоведения и изучения исторического прошлого России.

С. П. Карпов

А. П. К а ж д а н. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975, 190 с.

Среди этнических меньшинств Византийской империи армяне, по крайней мере в отдельные периоды, составляли наиболее значительную группу. Известны истоки этого явления. Часть исторической Армении, находившаяся к западу от Евфрата, так называемая «Малая Армения», входила в состав Римской, а затем и Византийской империи. В результате раздела между Ираном и Византией (387 г.) последняя приобщилась к своим владениям также часть «Великой Армении» (к востоку от Евфрата). Под византийским владычеством оказывались и другие части страны. В то же время большое число армян переселялось в пределы империи, пришельцы обосновывались в Малой Азии, Константинополе и в других европейских областях. Наконец, время от времени происходила явная или скрытая депортация армянского населения.

История византийских армян исследована неравномерно. Многие лица армянского происхождения оказывались на императорском престоле, становились знаменитыми

⁶ справедливо называет историко-критический метод «критической школой в источниковедении».

⁶ См. Гутнова Е. В. Указ. соч., с. 344—378.

государственными деятелями, полководцами, учеными и тем самым попадали в поле зрения исследователей. Ряд важных работ, главным образом Н. Г. Адонца, посвящены так называемым «армяно-византийским фамилиям». Не прошли незамеченными и факты, свидетельствующие о наличии в империи компактных масс армянского населения, специальных воинских соединений и пр. Тем не менее, первая сводная работа, посвященная специально византийскому армянству, появилась сравнительно недавно. Речь идет о монографии П. Караниса «Армяне в Византийской империи»¹. Эта работа базируется лишь на наиболее ярких фактах, она дает неполную картину. Но это — ценный труд, который к тому же может послужить хорошей основой для дальнейшего углубленного исследования.

Рецензируемая работа является частью обширного труда А. П. Каждана, посвященного господствующему классу Византии в XI—XII вв. Обобщающий раздел этого труда был издан ранее². Выделив около 300 фамилий, принадлежность которых к господствующему классу подтверждается титулом, должностью, владениями и пр., автор заполнил на каждого члена семьи своеобразную анкету. Сюда включены сведения об административной карьере, имущественном статусе, родственных связях, участии в оппозиционном движении, причастности к интеллектуальной жизни. Анкета распространяется на состав господствующего класса приблизительно с 976 по 1204 г. Обработка анкеты позволила автору сделать ряд выводов, которые при ином подходе были бы невозможны. Эти общие замечания оказываются необходимы, так как проблематика рецензируемой книги в значительной мере определяется задачами исследования в целом.

Основная трудность при изучении армян в составе господствующего класса Византии связана была, вероятно, с вычлениением армянских родов из общей суммы византийских. Действительно, сведения, которыми мы располагаем, далеко не всегда позволяют решить этот вопрос со всей определенностью. А. П. Каждан выделяет следующие три группы. Первую составляют бесспорно армянские семьи. Здесь значатся те роды, которые в источниках прямо названы армянскими. К ним относятся Мосиле (Мусиле, Моселе), Криниты, Лакапины, Куркуасы, Куртикии, Тарониты, Вахрамий (Врахамий), Кекавмены, Арруниды (Сенекеримы), Анийский дом, Пахлавуни, Рубениды (Рупении), Кокковасилии, Аспиеты, всего 14 фамилий. Следующая группа — семьи, которые автор определяет как «армяно-ивирские»: Торники, Пакуряны (Бакуряны), Вихкаци и Апокасы (Апухапы). Третья группа состоит из семей предположительно армянского происхождения. Это Фоки (Фокады), Склиры, Цанцы, Цирифоны, Вурцы, Гавры, Далассины, Феодораканы, Арменопулы, Махитарии, Василаки, Васпраканыты, Цинцилуки, Дельфины, Котерцы, Артавасды, Даватины (Диаватины), Левуны, Варданы (Варданики) и Мелиты, всего 20. Далее следует особая группа «аристократов одного поколения», не ставших основателями аристократических фамилий. В эту группу входит 23 лица. Здесь же рассмотрены армянские деятели, известные только по сигиллографическому материалу.

Разобранные в книге армянские фамилии или отдельные аристократы адекватно отражают состав армянской знати в господствующем классе Византии данного периода. Отдельные пропуски в просопографическом разделе не влияют на характер общих выводов, которые сводятся к следующему. 10—15% византийских аристократических фамилий XI—XII вв. составляли «потомки выходцев из Армении или из арменизированных районов империи». Среди них 8% — это старшие аристократические семьи, потерявшие свое значение, 42% — семьи военно-административной аристократии, 37% — военно-аристократические семьи, постепенно переходящие в ряды гражданской знати, 13% семей принадлежит к разряду синклитиков (с. 151). Но в различные периоды соотношение разрядов неодинаково. Так, количество военных особенно возросло в третьей четверти XI в., при Алексее I уравниваются с ними в числе или даже начинают преобладать гражданские чиновники. В целом же удельный вес армян в составе византийского господствующего класса, достигнув пика, по-видимому, во второй четверти XI в., в XII в. явно сокращается.

Армян — представителей византийской провинциальной администрации мы застаем в десятках городов. В некоторых случаях можно заметить устойчивые связи отдельных фамилий с данной территорией. С другой стороны, армяно-византийские администраторы действуют преимущественно в приграничных областях, в особенности на востоке, в районах со значительным армянским населением. Армянские аристократы были крупными земельными собственниками, среди них было множество военных администраторов. Они принадлежали к тому социальному слою, который составил опору династии Комнинов. Но, «как ни странно, армяно-византийские фамилии сравнительно редко вступали в брачные связи с Комнинами и их вхождение в элиту оказывалось недолгим, непрочным» (с. 163). Армяно-византийская знать принимала участие в многочисленных мятежах, заговорах, переворотах и т. д. (с. 165).

Нельзя сказать, что выводы А. П. Каждана поражают совершенной новизной. О многом можно было догадываться и без специального исследования. Но именно *догадываться*, тогда как рецензируемая книга содержит *доказательства* всех выдвинутых положений. Я уж не говорю о том, что результаты статистических подсчетов и диф-

¹ Charanis P. The Armenians in the Byzantine Empire. Lisboa, 1963.

² Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974.

ференцированность выводов позволяют судить о предмете на уровне, который при ином подходе не мог бы быть достигнут. С поставленной задачей — дать анализ армянского компонента в составе господствующего класса Византии XI—XII вв. — автор справился превосходно.

Но, может быть, именно достоинства книги заставляют пожалеть о несколько зауженных рамках — именно данной книги, а не всей работы, посвященной византийскому господствующему классу в целом. Действительно, насколько выразительнее была бы картина, если бы анализ распространился также на IX—X вв.: по-видимому, именно в это время были в полной мере заложены основы для функционирования в империи «армяно-византийских семей». Далее, А. П. Каждан исключил из рассмотрения императорские роды. Для изучения социального состава правящего класса это оправданно. Но когда объектом исследования становятся армянские семьи, недостаток бросается в глаза. Без Василия Македоняна и его потомков, без Льва V Армянина, без Романа Лакапина, без Иоанна Цимисхия картина византийского армянства явно не завершена.

Обратимся к исходному материалу книги. Раздельное рассмотрение бесспорно армянских и предположительно армянских семей очень разумно. Однако вторая группа лишена четких критериев для классификации, отсюда — непоследовательность в изложении. Так, Маниаки специально не рассматриваются, ибо данные об их армянском корне относятся только к IX в. Такова же участь Монохарзанов. В другом месте А. П. Каждан солидаризируется с теми, кто с большей или меньшей вероятностью считает эти роды кавказскими («Социальный состав», с. 212; здесь «кавказские» роды не дифференцированы). Мелитов вряд ли возможно отнести к числу фамилий малоазийского или кавказского происхождения, утверждает А. П. Каждан в обобщающем труде («Социальный состав», с. 213), а в рецензируемой книге им посвящен специальный раздел («Армяне», с. 120). Среди предположительно армянских семей фигурируют Фоки и Склифы. Этническая принадлежность их представляет бесспорный интерес — и тем и другим приходилось не раз сотрудничать с армянами. Но автор посвящает им специальные разделы, исходя из общих суждений современных исследователей. Я привожу эти примеры не как упрек, а лишь для того, чтобы показать, насколько велики трудности при вычленении родов по этническому, в данном случае армянскому, признаку.

Своеобразную группу составляют армяно-ивирские семьи — семьи, которые в источниках именуются то армянами, то ивирами (грузинами). Причина этого — не только в состоянии и характере источников, но прежде всего в неоднородности самих семей. Действительно, здесь наличествуют признаки, которые позволяют отнести представителей этих семей одновременно и к армянам и к грузинам. Подобное явление, замечает автор, «могло иметь место не только благодаря переходу части армян в халкидонитство, но и в результате интенсивного взаимного социо-культурного проникновения обеих этнических групп» (с. 144). Рассматривая явление в статике, автор, безусловно, прав. Но далее он пишет, что армяно-ивирская аристократия — это не армяне, «денационализированные» и ставшие грузинами, но скорее всего, особое этническое образование, возникшее на армянской и грузинской почве, прежде всего в области Тайк, и отличающееся принадлежностью к халкидонитскому вероисповеданию» (с. 145). Думается, однако, что в Тайке мы имеем дело действительно с переливом части аристократии из армянского общества в грузинское. Армяно-грузинские семьи мыслимы в границах только грузинского общества (откуда они и переходят в византийское). Их специфика задавалась армянским началом — иное дело, в какой мере это начало удерживалось в реалиях или в сознании. Движение происходило от армян к грузинам, а не наоборот. При этом приобщение к грузинскому происходило не только в вероисповедных вопросах, это было приобщение и к этносу (смешанные браки не были чем-то необычным) и к культуре. Показателен пример с родом Вихкаци. В 1006/1007 г. Григорий Вихкаци высекает надпись на «нейтральном» греческом языке. Оформление его родового имени (эпихорикон от топонима Вхик, Вихик) можно истолковывать, исходя из норм только армянского языка (ср. Хоренаци, Парпеци, Ластивертци и др.). Таким образом, армянское начало засвидетельствовано таким объективным показателем, как патроним. В дальнейшем и армянские и византийские авторы будут квалифицировать потомков Григория как армян. Но в той же надписи не только себя, но и своего отца Смбага Григорий объявляет ивирами³. Направленность этнического процесса совершенно очевидна. Думаю, что подобную эволюцию пережил и род Бакурианов. Армянское начало Григория Бакуриана сказалось в том, что типик Петрицонского монастыря он счел нужным подписать также и армянскими буквами⁴. Из-

³ *Bartikian H.* La généalogie du magistros Bagarat, catépan de l'Orient, et des Kékauménos. — REArm, II, 1965, p. 261—267; *Юзбашян К. Н.* Греческая надпись патриарха Григория КНХКАТЗИ (1006/1007 г.) и проблема авторства «Стратегикона». — В кн.: Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967, с. 115—118.

⁴ Теория Н. Я. Марра об армянском происхождении Григория Бакуриана, находящая сторонников среди армянистов, кажется мне более убедительной, чем идея о его грузинском происхождении. Эта теория исходит из всей совокупности сведений. Противники ее вынуждены отказываться в искренности греческой версии типика, ибо подпись на армянском языке не вписывается в их представления.

вестна также надпись Иоанна Торника на армянском языке⁵. Как видим, ощущение своей принадлежности к армянскому корню держится достаточно прочно. Но, независимо от того, прав я в своих суждениях или нет, неправомерно определять представителей армяно-ивирских семей как «армян» или как «грузин». Мы действительно (и здесь А. П. Каждан безусловно прав) имеем дело со специфическим образованием, которое начинало формироваться в Тайке — этой своеобразной контактной зоне, где происходила взаимная и этническая и культурная диффузия — и продолжала функционировать в условиях имперского владычества или на исконной имперской территории. Мощное воздействие греческого фактора (и в этническом и в культурном смысле) придает явлению еще большую сложность. Поэтому любое однозначное определение отдельных представителей этих армяно-ивирских (и византийских!) семей заведомо ошибочно — этому противоречит совокупность сведений, которыми мы располагаем.

Труд А. П. Каждана не является просопографическим по своему главному назначению; просопография составляет исходные данные. Но, конечно, эти данные сами по себе очень важны. Если в «Социальном составе» автор вынужден был собственно просопографический раздел выпустить, то в рецензируемой книге (где число учтенных лиц близко к 400) соответствующие данные приведены с ощутимой полнотой. Можно не сомневаться, что этой подборке уготована долгая жизнь, к ней будут обращаться и византилисты, и кавказоведы. Эта часть работы проделана весьма тщательно, тем не менее она нуждается в некоторых дополнениях и уточнениях. Эти замечания не могут поколебать общие выводы автора, но в каждом отдельном случае они должны быть учтены.

В рецензируемой книге смерть Давида Куропалата датируется 1001 годом (§ 15.1). В действительности, это произошло годом раньше — в великий четверг или в пасхальное воскресенье, т. е. 28 или 31 марта 1000 г. В том же 1000 г. на восток прибыл Василий II — сразу после смерти Давида⁶.

Годами правления анийского царя Иоаннэса-Смбата указаны 1020—1041 (§ 39). Это дань общепринятой точке зрения. В действительности Иоаннэс-Смбат был царем уже в 1018 г., о чем свидетельствует надпись из Текора. Сведения Аристаркэса Ластивертци также заставляют думать, что Иоаннэс-Смбат стал царем до 1018 г. Он начал править в 1017 или даже в 1016 г., сменив на престоле своего отца Гагика I Багратуни, который еще в 1015 г. был жив⁷.

А. П. Каждан отмечает, что Григорий Магистр уступил Византии свою вотчину и переселился в империю в 1045/1046 г. (§ 11.1). Здесь небольшая неточность — Григорий покинул Армению до присоединения Ани летом 1045 г. Не исключается даже 1044 г.

Раздел, посвященный роду Пахлавуни, начинается с этого Григория. Строго говоря, сюда нужно включить и дядю Григория, Вахрама Пахлавуни, который после присоединения Ани к империи командовал армянскими войсками в экспедиции против двинского эмира Абу-л-Асвара — уже в качестве имперского подданного⁸. В надписи от 1029 г. Вахрам фигурирует в качестве анфипата-патрикия.

Говоря о сыне Григория Пахлавуни Вахраме, будущем католикосе Григории Мартирофиле, А. П. Каждан приводит распространенное мнение, будто тот унаследовал от отца должность дука Тарона, Васпуракана и округа (§ 11.2). Эта точка зрения восходит к М. Чамяну, писавшему в конце XVIII в., и в настоящее время должна быть признана необоснованной. Впрочем, и А. П. Каждан относится к ней с осторожностью.

А. П. Каждан считает, что Саргис Хайказн, хотя и носил византийские титулы, лишь с известной натяжкой может быть причислен к византийской аристократии (§ 39). Ниже сказано: дука Востока Саргис занимал пост командующего восточными войсками, но, может быть, он был номинальным обладателем титула (с. 161). Есть основания думать, однако, что анфипат, патрикий, вест и дука Востока Саргис был правителем фемы «Ивирии», по крайней мере в 1033—1036 гг.⁹ Если эти соображения верны, тогда Саргис становится полноправным представителем византийской знати.

Мхитар, сын Курта, около 1060 г. служил, по мнению автора, в византийской администрации Ани (§ 5.2). Мхитар был ипатом, но, точно так же, как спафарокандидаты Грегор, сын Лапастака (§ 41), и Саргис, сын Артавазд[да] (§ 34.1), принадлежал, по-видимому, к местному самоуправлению, хотя и под византийской эгидой (о чем свидетельствуют византийские титулы). Это были танутеры города, они «взяли танутерство», т. е. приняли эту должность. Выражение *танутрутон* в надписи, откуда мы черпаем эти сведения, не может означать налог на анийские дома (ср. с. 123 и

⁵ Adontz N. Etudes arméno-byzantines. Lisbonne, 1965, p. 309.

⁶ См. Повествование вардапета Аристаркэса Ластивертци, пер. с древнеарм. К. Н. Юзманяна. М., 1968, с. 143, прим. 13, ср.: Toumanoff C. The Bagratids of Iberia from the eighth to the eleventh century. — «Le Muséon», 1961, с. 39—40, № 54; Даниелян Э. Л. Цель и направление восточного похода Василия II в 1000 г. — ВОН, 1973, № 10, с. 63—64 (на арм. яз.); ср. Копалиани В. У. Грузино-византийские политические взаимоотношения в 970—1070 гг. Тбилиси, 1969, с. 312 (на груз. яз., с русск. резюме).

⁷ Юзбашян К. Н. К хронологии правления Гагика I Багратуни. — АДСВ, 10, 1973.

⁸ Орбели И. А. Избранные труды. Ереван, 1968, с. 441.

⁹ Yuzbashyan K. N. L'administration byzantine en Arménie aux X—XI siècles. — REArm, X, 1973—1974, p. 158, 172.

прим. 1), это термин, имеющий в данном контексте отношение к институту самоуправления. Кстати, кроме омонимии, нет признаков, указывающих на принадлежность Мхитара к византийским Курткиям, а Саргиса — к Артаваздам.

Среди «аристократов одного поколения» числится Ариев, которого Анна Комнина называет армянином (§ 45). Думаю, что мы имеем дело с армянским именем Арев, «солнце». Р. Ачарян называет восемь носителей этого имени с V по XVII в. Имеется также ряд производных от этого корня¹⁰. В настоящее время употребляемая только как женское имя.

К. Н. Юзбашян

И. Ф. Фихман. Оксиринх — город папирусов. М., 1976, 344 с.

Хорошо известно, что исследование социально-экономической истории ранневизантийского города сопряжено с трудно преодолимыми препятствиями источниковедческого характера. Почти полное отсутствие документальных данных и недостаток других не дают возможности с требуемой научной точностью и доказательностью выяснить некоторые кардинальные проблемы социально-экономической истории города и заставляют решать их часто гипотетически. Оксиринх (нынешний Аль-Бах-наса) — египетский город, который в этом отношении является счастливым исключением из ранневизантийских городов: на его территории сохранились тысячи греческих папирусов (разнообразных по своему содержанию и степени сохранности), которые во многом освещают социально-экономическую жизнь города на разных ее этапах, в том числе и в византийский период (с IV в. до арабского завоевания в VII в.). И хотя эти материалы часто отрывочны и нередко ставят перед исследователями нелегкие вопросы текстологического характера, датировки, истолкования и неравномерно распределяются по векам, они содержат неопенимые сведения о жизни города в византийский период. Публикация материалов, начавшаяся в самом конце прошлого столетия, еще далека от своего завершения, хотя в одной только серии, издаваемой в лондонских «The Oxyrhynchus Papyri», вышло уже 45 томов.

Как отмечает автор рецензируемой книги, Оксиринх был избран им как объект исследования не только потому, что о нем сохранилось наибольшее число документальных данных, главным образом папирусов, но и по ряду других соображений. Одним из них является то, что он «в несравненно большей степени, чем Александрия или Антиноя, может считаться «типичным» египетским городом» (с. 3), т. е. данные, полученные по материалам, сохранившимся об Оксиринхе, могут быть распространены и на многие другие современные ему города Египта. Значение исследования И. Ф. Фихмана возрастает еще по одной причине. Несмотря на множество частных исследований, посвященных обширному кругу вопросов, до сих пор не существовало обобщающего труда по этой теме. Книга И. Ф. Фихмана восполняет эту лауну. Это — глубокое аналитическое исследование, основанное не только на изучении самих документов, но и на исчерпывающем привлечении буквально необозримой литературы предмета, включая специальную литературу самых последних лет, вплоть до 1975 г.

Мы полагаем, что выводы, полученные И. Ф. Фихманом, имеют значение не только для исследования социально-экономической истории египетского города, но и ранневизантийского города вообще. Несмотря на наличие локальных особенностей в отдельных провинциях Византии, по справедливому мнению некоторых современных исследователей правовой жизни византийского Египта, не следует переоценивать этого своеобразия. В Византии существовало единое императорское законодательство, единообразная бюрократическая система управления светского и церковного, которые в значительной мере, вероятно, нивелировали местные особенности, вытекающие из своеобразия исторических судеб отдельных районов империи.

В своем исследовании И. Ф. Фихман представляет на суд читателя всю свою «научную лабораторию», все данные, которые послужили основанием для решения тех или иных вопросов. Он не скрывает ни своих сомнений, ни возможностей различного решения вопросов или иного истолкования используемых им текстов. Эта предельная осторожность автора является большим достоинством книги.

В рамках рецензии мы не имеем возможности, да и не ставим своей задачей осветить и оценить все богатое, насыщенное конкретным фактическим материалом содержание книги. Отметим лишь наиболее, на наш взгляд, существенное.

Книга открывается кратким введением, в котором содержится сведения об истории папирусных и других находок на территории Оксиринха (с. 3—14). Данные о предшествующей истории города, его облике, административном делении, соотношении города с номом (как в римское, так и византийское время) составляют содержание первой главы (с. 14—34). «В римское время Оксиринх был процветающим экономическим и культурным центром с прочными традициями греческой культуры и образованности, занимающим видное место среди египетских городов» (с. 15). Автор отмечает разительную перемену в облике города, связанную с победой христианства. «Еще в конце III в. в городе было только две церкви, то через столетие он превратился в один из крупнейших монашеских центров Египта» (с. 24). В ходе изложения приводятся списки церк-

¹⁰ Ачарян Р. Словарь армянских личных имен. I. Ереван, 1942, с. 272—273. (на арм. яз.).